

Мартин ХРАНКО

Бурко

Перевод со словацкого П. Каликина

I

Бурко был обыкновенным щенком. Впервые он увидел солнышко возле большого стога соломы. И так он этому удивился! До сей поры он жил в стогу, где кто-то выкопал большую нору. Там было всегда темно. Только через дыру едва просачивался свет.

А сейчас! Столько света! У него в глазах потемнело, и тотчас он ощутил неодолимый страх. От страха он заскулил и поскорее вернулся в нору. Дрожал всем телом. Столько света! А он один!

В норе смелости прибавилось. Это был его дом, и до сей поры здесь его никто не беспокоил. Каждый уголок знаком. Он дома. Да если бы сейчас кто-нибудь только показался перед дырой, он бы на него уж точно зарычал. А это что-нибудь да значит. Он уже зарычал на какого-то кота. И даже залаял на него, как это делает мама, и кот точно ушёл.

Вот так! Пусть кто-нибудь отважится приблизиться к норе. Он точно на него залает. Чтобы знал! Вот так!

Положил он носик между передними лапками и зорко следил за отверстием. Пусть кто-нибудь только отважится! Он так залает, что только держись!

В его маленькой голове родился потрясающий план. Залаять на любого, кто только приблизится к норе. Он не испугается ни петуха, никого, даже этого большого рыжего кота. Пусть только посмеют!

***

Он уже дремал, когда в нору втащилась Вирга, его дорогая мамочка, которую он не отдал бы ни за что на свете, даже за нору в стогу. Она была так утомлена, что повалилась в углу совершенно без сил. Правда, она была обыкновенной собакой, которая не смеет уставать. И всё же она действительно устала. Целый день загоняла овец и лаяла на рогатого барана. Эх, лучше бы этого барана на свете не было. Это было бы хорошо. А эти люди! Какие это странные существа. Пастух её постоянно науськивает на этого барана, даже когда тот спокойно пасётся. А когда баран столкнёт её в борозду, он не спешит защитить её от его острых рогов, а смеётся так, что за живот держится. А когда она в изнеможении упадёт возле межи, чтобы облизать стернёй и чертополохом исколотые лапки, пастух перетянет её длинным кнутом, да при этом ещё и богохульство добавит. Вот такие они, эти люди. Если бы ей не надо было думать о Бурко. Она дрожала от страха, что с ним может что-нибудь случиться. Может прийти петух и выклевать ему глаза, или свинья может откусить ему хвостик. И что потом делать псу, у которого нет приличного хвоста? Ни один пастух на него даже не взглянет. Да и собаки со всей округи будут над ним всю жизнь подсмеиваться: где это ты потерял свой хвост? Ведь это самое главное украшение порядочного пса.

Вот такие тревоги терзали Виргу целый день. Она хотела бы раз и другой сбежать домой, чтобы проведать, как там её маленький Бурко, но не решалась. Ведь пастух Мишо её прибил бы. И дня два не давал бы ей еды. Да если бы только это! Для себя она нашла бы какую-нибудь голую кость или где-нибудь мышь поймала. Но что ел бы Бурко? Мишо и ему ничего бы не дал. А она отошала настолько, что рёбра можно пересчитать.

Сейчас она лежала на соломе словно полено. Бурко карабкался по ней, но играть она уж точно не могла. Попыталась было повернуть голову, но утомлённые члены не слушались. Она лишь растроганно помахала хвостом и облизала маленький носик Бурко.

— Вирга, Вирга, сюда! — послышался хриплый голос Мишо.

Виргу словно громом ударило. Вскочила на свои больные лапы и кинулась вон. Возле норы Мишо несколько раз перетянул её кнутом так, что от боли она заскулила и побежала к кошару.

— Дохлятина! Думаешь, даром буду тебя кормить...

Бурко уже хорошо знал голос Мишо. Однажды он уже видел его перед собой. Это такое странное, высокое существо, полностью закутанное в такую мохнатую шкуру. И у него только две ноги, а под носом дымится. О, эти две ноги! У злого петуха Рика тоже только две ноги. Пожалуй, все двуногие существа очень злые. И мама этого Мишо боится.

***

Вирга вошла в кошару. Боязливо она осмотрелась вокруг, чтобы выяснить, где находится баран Брц. Вообще-то она не боялась ни одного барана на свете, но при таких обессиленных членах с ней, пожалуй, справится даже кот Мато.

Почти из последних сил залаяла она на овец, чтобы загнать их в струнгу, из которой овцы по одной выходили, когда Мишо их подоит. Потом отошла к калитке и положила голову между передними лапами.

Как раз проходил Мишо с большим подойником. Проходя мимо, он пнул её постолом в бок. Она только застонала. Уже привыкла к этому. С каким удовольствием она вцепилась бы в бедро и разорвала бы это человеческое существо, но не было сил и... она боялась. Эти человеческие существа распространяли вокруг себя только страх.

Закончив дойку, Мишо процедил молоко и выполоскал подойник. Содержимое выплеснул в старую миску и свистнул Вирге.

Однако Вирга даже не шелохнулась. Мишо свистнул ещё раз, и поскольку она не пошевелилась, схватил длинный кнут и так её перетянул, что из уха у неё брызнула кровь.

Она попыталась встать на ноги, но снова упала. Мишо схватил её за шерсть и бросил в кошару к овцам. Овцы кинулись врассыпную, а баран Брц разбежался и дважды припечатал её к ограждению кошары.

— Давно бы сдохла, — проворчал Мишо и пошёл к стогу за Бурко. Он вытащил его из норы и принёс к кошаре. В миску к воде добавил немного молока и поставил его рядом.

Бурко это совсем не понравилось, но он был очень голоден. Сегодня ему ещё не довелось добраться до поросят, чтобы разделить с ними угощение. Потом Мишо схватил его и отнёс обратно в нору.

***

Стало холодно. Бурко забился в угол, чтобы дождаться мамочки. Ему было странно, что она так долго не приходит. Он встал, зевнул, выкопал в соломе небольшую ямку, свернулся в клубок, положил нос между лапками и задремал.

Вскоре он проснулся. Кто-то забирался в нору. По запаху он определил, что это мамочка. Разом прошла вся дремота, и он кинулся к выходу. О своей ямке даже не вспомнил.

Но мама была такой странной. С ним совсем не играла, только лизнула его в нос и так странно скулила.

Бурко с удовольствием ещё немного поиграл бы, но что-то его испугало. Он снова забрался в свою ямку и хвостик завернул между лапами. Когда утром выбрался из норы, мамы уже не было. Он ждал её целый день. К миске, которую принёс ему Мишо, даже не приблизился. Ему было хорошо только с мамой. Даже маленькие поросята его не забавляли.

Но он её больше не увидел.

II

Вскоре Бурко о маме забыл. Иногда ночью ему бывало холодно, поскольку прижаться было не к кому, но он привык и к одиночеству. Особенно тогда, когда подружился с котом Мато. Это было очень странно. Совсем недавно Мато казался ему исполином, он которого в страхе он убегал в нору, а сейчас уже Мато его боится. Разве такое возможно? День ото дня Мато становится всё меньше. Это удивительно!

Приближалась осень, но Бурко было весело. Когда после обеда солнце уже клонилось к западу и нагревало разбросанную возле стога солому, для Бурко и Мато наступали часы блаженства. Они грелись на тёплой соломе и соревновались, кто сумеет лапкой нанести противнику более сильную рану на носу. Бурко выиграл, но и его носик кровил от коготков Мато. Вскоре Мато эта игра надоела и он на хвосте Бурко стал проверять свою ловкость в ловле мышей. Бурко отплатил ему тем, что залаял на него во всю глотку. У Мато на спине шерсть встала дыбом, и он тотчас исчез меж ветвей сливы. А почему, и сам не знал. Но это собачье существо с его собачьим лаем показалось ему уж очень собачьим существом.

Ближе к вечеру Бурко надоело облаивать сливу, на которой Мато преспокойно и в ус не дул. Он ещё раз гавкнул, а потом направился к хлеву, где Анча кормила свиней. Однажды он уже был там с мамой, когда Мишо занёс его во двор, и ему там понравилось. Там были достойные удивления существа, которые — понять невозможно, — валялись в грязи. Однако в корыте было достаточно еды и мохнатое, огромное чудовище постоянно отталкивало его своим отвратительным рылом. Такое, думаю, даже Мишо не боится.

Пока он приковылял к хлеву, свиньи во главе со старой Кшо уже вовсю трудились. Вокруг них бегал Рик с целым гарнизоном кур, которые шумно кудахтали. Бурко тоже подобрался к корыту, но одна из свиней бесцеремонно мордой отпихнула его, да ещё и за ухо укусила. Бурко только в первый миг заскулил, а потом залаял. Но эти прожорливые страшилища не испугались.

Испробовал он другой приём. Быстро протиснулся под брюхо старой Кшо и под её защитой прошмыгнул до самого корыта. Но Кшо, как только заметила его, рылом откинула на несколько шагов.

Страшная ярость охватила Бурко. Разбежался он и что было сил укусил её за заднюю ногу. Кшо заверещала от боли, обернулась, но Бурко был уже под хлевом, куда ей не добраться. До самого вечера не решался он выбраться на двор.

Но вечером, когда Кшо и поросята были уже в хлеву, он наконец набрался отваги. Тем более, что во дворе была только Анча, к которой он питал какое-то особое доверие. До сей поры Анча его только гладила, а однажды дала кусок овечьего сыра, который ему очень понравился.

Когда он забрался под прачечную, там Мато уже играл с каким-то маленьким животным. Ничего подобного он ещё не видел.

— Что это? — спросил он у Мато.

— Как это что? Мышь, — ответил Мато.

У Бурко в голове не укладывалось. Мышь такая маленькая, а Мишо такой большой.

— Значит Мишо — мать этой мыши? — расспрашивал Мато.

— Откуда мне знать! — отрезал Мато, который должен был смотреть, чтобы мышь не сбежала от него в норку.

— Ну, подожди, Мишо тебе задаст, — пригрозил ему Бурко, но Мато ему ничего не ответил.

В эту минуту пришла Анча, взяла Бурко на руки и занесла его в кухню. Когда она опустила его на землю, Бурко был вне себя от восторга. Всё здесь было ему незнакомо. Такая большая нора под плитой и эта тёплая шкура в ней, ах, вррр, даже в стогу не было так уютно.

Он с удовольствием развалился на шкуре. Однако недолго оставался в покое. Когда почуял, что Анча вышла из кухни, решил продолжить обход. Он всё внимательно обнюхивал, возле поленницы задрал лапку и залез под кровать.

Но вот беда!

Кто-то накинулся на него с оглушительным криком, и клевал, и царапал его так, что от боли он плаксиво заскулил. В страхе искал он какое-нибудь местечко, где мог бы спрятаться от этого страшного царапающего существа. Когда подумал, что пришёл конец его жизни, наткнулся на старые сапоги Мишо. Хотя они были тесноваты, с грехом пополам он задом протиснулся в голенище. Но даже там не оставило его в покое это чудовище. При первом удобном случае клевало его в носик.

Когда Бурко убедился в том, что даже в голенище от него не спрячешься, от страха решил он защищаться отчаянно. Когда курица примерялась снова клюнуть его, он проворно цапнул её за клюв, да так, что из наростов кровь пошла.

Больше она его не беспокоила.

Однако он пока ещё не отважился покинуть голенище, в котором чувствовал себя как в достаточно безопасном убежище. Только украдкой посматривал на курицу, чтобы следить за этим чудовищем.

Вот уж точно, чудовище. Ещё страшнее, чем петух Рик, поскольку его он никогда не видел таким взъерошенным. А вокруг — целая стая маленьких снующих уродцев, которые настойчиво протискивались под крыло этой квохчущей уродине.

Когда Анча снова вошла на кухню, Квок убралась со своими пищащими цыплятами в самый тёмный угол. Бурко уже выбирался из своего укрытия, как вдруг в растворённую дверь на кухню вбежал Мато.

Как только Квок его заметила, накинулась на него со всей яростью.

Разгорелся жестокий бой, который Анча вынуждена была останавливать метлой.

Бурко посмотрел на метлу с большим уважением. Должно быть, она очень могущественная, если её боятся и Мато, и Квок. Да, пожалуй, и Мишо побаивается! Надо держаться от неё подальше.

Вскоре на кухню вошёл Мишо. Увидел, где спрятался Бурко, схватил сапог, вытряхнул его и выкинул за дверь. И при этом издавал какие-то враждебные звуки.

Странные, действительно странные двуногие существа эти люди. Боятся их и Квок, и метла, и даже те большие, такие же как он четвероногие существа, которые способны целый воз тащить, их тоже боятся.

Сегодня он впервые ощутил по отношению к Мишо явную неприязнь. Пожалуй, он получил бы от Анчи кусок сыра и мог бы спать в той норе под плитой, если бы не этот Мишо.

Хотел он идти к стогу в свою нору. Но уже наступила ночь, и он побоялся. Вдруг не найдёт дороги или, кто знает, не встретит ли его по дороге Кшо? Он предпочёл пробираться вдоль стенки, пока не оказался од прачечной. Там растянулся между старыми переяслами и задремал.

Едва он задремал, как свистящий ветер разбудил его. Зарылся он поглубже в переясла, свернулся в клубок поплотнее, но и это не помогло. Пошёл искать другое место. Однако ничего не нашёл. Всюду холодный ветер так полоскал, что пробирало до мозга костей. Бурко пошёл по подстенку, который вёл к кухне. Нор дверь была заперта... Поскрёбся... не отворилась. Потом он плаксиво завыл... и это не

помогло. Мало того! Вышел Мишо и стукнул его метлой так, что он свалился с подстенка. При этом Мишо так злобно ругался.

Бурко больше не отважился выть. Когда Мишо ушёл на кухню, он лёг возле щёлочки под дверью, где хотя бы спину немножко согревало.

Когда под утро забрезжил рассвет, он едва на ноги поднялся. Настолько закончел. Ночью, чтобы не потерять тепло, которое надувало между задними лапками, он даже встать боялся.

Впрочем, едва учуял запах смазанных маслом постолов Мишо, тотчас отскочил. Эти его необычно пахнувшие постолы и он сам... этот Мишо, который ночью бил его метлой!!!

— Эй, Буро! В овчарню! — примерно так буркнул Мишо, но Бурко его не понял. Он только голос его узнавал.

Спрятался под корытом, где вчера угощались Кшо со своими поросятами. Не удалось. Мишо за ухо вытащил его и... понёс к овцам.

Первым делом Мишо кинул его между овцами. Там какое-то животное ударило его в бок. Другим боком он бухнулся о кол, на котором был большой камень. Это крупное животное ещё несколько раз ударило его о кол, но с Бурко ничего не случилось. Еловые козлы с солью для овец защитили его. Бурко выл и скулил, а Мишо только смеялся.

Наконец он протиснулся через калитку. Брц за ним погнался, но прочная доска уберегла его от удара. Кажется, что Брц потерял всякую охоту, поскольку забрался между овец. Мишо пытался науськать Бурко, но ни у кого не было желания.

Он растянулся перед кошарой. Ничего с ним не случилось. Только в правом боку немного кололо. Это от того, что Брц толкнул его на эти деревянные козлы.

Он немного облизался и сел на задние лапки. Не так уж ему и больно. Только испугался сильно. Мишо смеялся. Что за существо, этот Мишо. Ни Квок, ни Брц, ни даже Мато не смеются, когда кому-то больно, а... этот Мишо! Он смеётся. Пожалуй, у этих существ нет сочувствия. Его мамочка никогда не смеялась, когда у него что-то болело.

Мишо ушёл на кухню, а Бурко у удовольствием смотрел на этот поразительный божий мир. Там за стогом, за тем холмом был такой удивительный шар, на который он не мог насмотреться. Глаза у него сразу заслезались. А этот большой шар так приятно согревал. Он полаял на него совсем немного, чтобы не спугнуть.

III

Быстро миновали осенние дни, наступила зима. Бурко тем временем очень многому научился. У него уже не было той свободы. Самым страшным на свете был для него кнут Мишо. В нору он бегать уже не смел, только укрادкой.

И как же он тосковал по этой норе!

Возле овчарни Мишо соорудил ему небольшую деревянную будку. Правда, была в той будке солома, но в стогу всё же было лучше. А Мишо не должен был

видеть его вдалеке от овчарни. Сразу брал в руку кнут, прикосновение которого обжигало так болезненно.

Только когда овцы шли напиться к реке, где Мишо топором прорубал лёд, Бурко недолго оставался свободным. Сначала Мишо водил его привязанным к кнуту, и только тогда не бил, когда он шёл за овцами. Из этого Бурко сделал вывод, что если он не хочет получать кнутом, должен следовать за овцами.

Брца он уже совсем не боялся. У Брца были большие закруглённые рога, но он был очень неловким.

А сейчас между Бурко и овцами установилась явная вражда. Брц при первой возможности пытался поддеть его рогами, а Бурко платил ему за это вдвойне. Он дёргал Брца за хвост, а иногда с таким удовольствием кусал его за толстое бедро, что целый кллок шерсти оставался у него между зубов.

Из-за Брца он стал ненавидеть всё овечье племя. Не знал, что эту ненависть к овцам воспитывал в нём Мишо, когда оставлял его в овчарне на избиение Брцу и прочим овцам.

Старой Квок от тоже не мог забыть, что однажды она так искалечила его на кухне, когда он не мог укрыться от неё даже в голенище. Теперь он с ней за это расплачивался. Когда Мишо не видел, гонял её по хутору до изнеможения. Потом он выследил, куда она ходит, чтобы снести яйцо. Она устраивалась на гумне, высоко на сене, куда Бурко добраться не мог.

Целую неделю он пытался забраться на сено. Однако не получалось. Наконец, после многих безуспешных попыток он добился и этого.

Однажды он наблюдал за Анчей, как она с другой стороны встала на чурбан, оттуда на короб с сечкой, а там уже совсем легко добралась до сена.

Когда Анча потихоньку ушла, он выждал какое-то время. Потом пробрался тем же самым путём. Это ему удалось без каких-либо усилий. Когда он уже был на сене, в углу возле опоры увидел съёжившуюся Квок. Без раздумий он набросился на неё. Квок с ужасным криком слетела вниз. Бурко кинулся за ней. В ярости он и не заметил, что потерял опору и падает. Однако с ним ничего не случилось, поскольку он упал на свежескошенную траву.

Когда он увидел, что перепуганная Квок с кудахтаньем через двери выпорхнула с гумна, он вернулся на сено дорогой, которую показала ему Анча. Хотел как следует осмотреть место, чтобы как-нибудь потом немножко придушить Квок.

Однако тут Бурко снова кое-чему удивился. В ямке, где недавно сидела Квок, сейчас лежали два маленьких белых яйца. Они были такие же округлые, как голова у Мато. Однако у них не было ни глаз, ни шерсти, ни носа. Да они даже не шевелились.

Бурко предусмотрительно залаял. Они не двинулись. Он осторожно дотронулся одной лапкой. Не шелохнулись. Потом обнюхал. Пахли они так же, как эта старая Квок. Но если они пахнут одинаково, значит должны быть похожи.

Бурко поднял хвостик и укусил одно яйцо. В зубах у него что-то хрустнуло. Он отскочил. Но поскольку это хрустящее не двигалось, он вернулся и облизал это чудище.

Ему понравилось.

Быстро вылизав, он принялся за второй яйцо. Давно уже не было у него такого пира. Он даже лапки старательно облизал.

Потом он весело залаял во двор. Вот так! Пусть знает Квок, что он, Бурко, уж точно в долгу не останется за ту взбучку на кухне.

Затем Бурко спокойно пошёл к своей будке перед овчарней. По дороге он представлял себе, как будет горевать Квок, когда увидит, как обошлись с её квоченятами.

Хотел он пойти к Анче, похвастаться своей проделкой, чтобы она дала ему хотя бы кусочек этого вкусного сыра, но дверь на кухню была закрыта. Тогда он пошёл к будке.

Пока он ворочался, чтобы выбрать подходящее место, вышла Анча и направилась прямо на гумно. В первый миг хотел Бурко выскочить и бежать за ней, но... задержался. Желудок был полон.

Но что это?

Эта Анча почему-то стала браниться. Вышел Мишо, направился к сену и тоже ругался.

Этого он не понимал. Какое дело Анче и Мишо до этих квоченят? Но Анча продолжала неистовствовать, а Мишо бушевал. Чем-то это закончится? Пожалуй, от Мишо ему достанется кнутом, если тот узнает, кто это сделал. От этого Мишо даже за такой пустяк точно досталось бы. Хорошо, что по крайней мере его никто не видел. В этом Бурко был уверен.

Бесчинство и буйство приближалось к овчарне. У Бурко появилось опасение, не заглянет ли Мишо в его будку. Действительно. Мишо наклонился над лазом. Бурко зажмурил глаза, со страхом ожидая, что Мишо вот-вот схватит его за загривок. Но Мишо выпрямился, вытащил изо рта трубку и проворчал:

— Нет, это не пёс. Спит как убитый.

И с этими словами вместе с Анчей ушёл на кухню. Бурко несказанно полегчало. Он зевнул и спокойно уснул.

***

Ночь Бурко провёл вполне спокойно. Даже сыч этой ночью не кричал. Только было немного холодно. Маленькая деревянная будка с клочком соломы уж точно не защищала от стужи. Но он уже и к этому привык. И завидовал Мато. Тот спал на печи или под плитой. И никто его оттуда не выгонял.

Перед рассветом он удивился, что это? Ещё и Рик не прокукарекал, а Мишо уже ходит по двору. Бурко выбираться на мороз из будки совсем не хотелось. Мишо сходил в чулан и, как обычно, принёс для Брца полную миску овса. «Но почему так рано?», — размышлял Бурко.

Ещё не рассвело, а Мишо уже был одет, и даже новые постолы обул. Потом Анча дала Бурко сыворотки, а Мишо выгнал из овчарни Брца и двух баранов поменьше.

— Эй, Буро, сюда! — прозвенел сердитый голос Мишо, и Бурко даже сыворотку не доел, лишь бы не получить кнутом.

На дворе бараны уже были привязаны к одной верёвке, конец которой Мишо зажал в кулаке.

— Буро, сюда, фьють!

Это означало, что Бурко должен загонять и лаять. Сейчас он приступил к этому занятию с полным воодушевлением, поскольку Брц никак не мог к нему повернуться. По началу Брц дёргался и метался словно одержимый, но Бурко несколько раз так цапнул его за бедро, что тот только вскрикивал. И согласился идти совершенно спокойно.

Когда они пришли к реке, куда ходили поить овец, по дороге уже двигалась целая вереница телег, овец, коров и людей. Бурко сразу разлаялся, но Мишо пригрозил, и он замолчал. Держался возле Брца и даже тявкнуть не отважился. Лишь иногда незаметно прихватывал Брца за шерсть на боках.

Шли они долго-долго. Бурко вовсе не понимал, зачем они ушли так далеко от дома. Прошли через очень большой хутор где было много домов и хлевов. Наконец остановились на таком ровном месте, где все галдели. Там было столько овец, коров, людей и свиней, что мороз по коже прохватывал.

Бурко задрожал от страха, когда услышал эти бляение, мычание и крики. Он жался к постолам Мишо. Когда попытался было отойти, чтобы по своим следам вернуться домой, Мишо пригрозил ему кнутом.

К этому шуму Бурко постепенно привык. Ни чужие люди, ни овцы уже не беспокоили его. Только сильный мороз стал пробирать даже сквозь густую шубу. Бурко дрожал всем телом и переминался на тоненьких ножках. Ещё не огрубевшие подушечки горели от прикосновения к колкой изморози.

От холода он готов был сунуться куда угодно, да некуда. Охотнее всего убежал бы домой, на хутор, в свою будку, но... кнут Мишо! Брц в своей тёплой шубе улёгся на промерзший снег и размеренно пережёвывал. Впрочем, он не был ни таким весёлым, ни таким воинственным, как в обычное время.

А Бурко со своими трясущимися членами вдруг сделал то, чего и сам не понял. Подошёл он к Брцу, возле которого тесно лежали другие бараны, и втиснулся между ними. Вот где было по-настоящему тепло.

Однако внимание его было напряжено до предела, чтобы в любое мгновение иметь возможность увернуться от рогов, если Брц вдруг захочет на него накинуться.

Однако Брц не двигался, а только сонно пережёвывал пищу. Бурко отважился придвинуться к его голове. Глаза у Брца были сонные, едва ли не печальные, а возле основания рогов, где Мишо затянул узел верёвки, сочилась кровь. И Брц выглядел таким вялым, таким печальным.

Бурко понемногу отошёл. Он почувствовал благодарность за то, что Брц не оттолкнул, согрел его. Осторожно облизал ему кровавые ссадины под рогами. Брц нагнул голову, словно хотел почесаться о кол. Бурко осмелел ещё больше. Он лизнул его в нос и протиснулся между передними ногами.

А Брц... положил на него голову и выдыхал тёплый воздух ему на брюхо.

Бурко даже задремал. Возможно, он размечтался. А может и нет. Теперь он уже не будет дёргать Брца за хвост. А ведь они были смертельными врагами. Почему? Человек Мишо приучил их быть врагами. А есть ли у этого человека враги? Возможно. Не кто иной как его же собрат. А почему? Вражда возникает, должно быть, из взаимной зависимости и неравенства сил.

IV

Так хорошо ему спалось... Так приятно грела его шуба Брца... А Брц вздрогнул и... на Бурко накинута морозный северный ветер. Далее он только наблюдал за тем, как два мужика схватили Брца, опрокинули его на снег, связали ноги и кинули его на телегу.

Брц судорожно задёргался и так странно,.. очень странно заблеял. Бурко не сдержался. Он яростно зарычал и хотел накинуться на одного из тех, кто связывал Брца. Но... там был кнут Мишо.

Эти люди разговаривали с Мишо. Потом они подали друг другу передние ноги, сели на телегу и уехали вместе с Брцем. Бурко хотел бежать за Брцем, но Мишо пригрозил ему тем, с чем Бурко хорошо познакомился.

Потом пришло ещё несколько очень тучных людей, и один из них увёл двух других баранов.

Мишо распахнул кабаню , закурил трубку и собрал верёвку, которой были связаны бараны.

Был полдень. Бурко это определил по тому, что сильно проголодался. Мишо спокойно попыхивал трубочкой, закладывая за спину полы кабани и толкался между мычащего и жующего скота. Бурко замирал от страха, как бы ему в такой толчее какая-нибудь животины на ногу не наступила. И всё же внимательно следил за Мишо и его кнутом; ненавидел обоих, но... боялся их.

По мучительной для Бурко дороге добрались они до какого-то шатра. Там столько людей собралось, сколько Бурко в жизни своей не видел. Да разве есть на свете столько хуторов! И все эти люди галдели, пели, смеялись и ругались так, как бывает на хуторе, когда весь сброд сбежится на кормёжку. И перед каждым стояла либо рюмка, либо стаканчик, и время от времени они их опрокидывали.

С этим Бурко был уже знаком. Мишо в чулане тоже иногда опрокидывал, а потом у него было такое странное настроение.

Мишо привязал его к кнуту и толкнул под лавку. Там на клочке соломы Бурко свернулся в клубок возле какого-то бочонка. Этот бочонок смердел так же отвратительно, как и Мишо, когда выходил из чулана.

Бурко, пожалуй, лежал бы спокойно, если бы его не терзал пустой желудок. Он встал и попробовал, не ослаб ли кнут. Ослаб. Забрался он под стол, не найдётся ли там хотя бы косточки? Ничего не нашёл.

За соседним столом какой-то толстяк отрезал понемногу от куска сала, отламывал по кусочку от большого каравая хлеба и всё это так аппетитно запихивал в рот, что при этом выпучивались его покрасневшие глаза.

Бурко остановился возле него, голодным взглядом посмотрел на хлеб, облизнул нос и сел на задние лапки, как учила его Анча.

— Пошёл, щенок! — закричал толстяк и пнул его в бок.

Бурко снова убрался под стол и облизал то место за лопаткой, куда угодил тяжёлый подкованный сапог.

Под столом он набрёл на холщовую сумку. Она была уже пуста. И всё же что-то пахло внутри. Он обошёл её несколько раз. Боялся к ней прикоснуться. Боялся. Но голод сильнее.

Лапкой осторожно он раздвинул не завязанную горловину и выскреб наружу что-то завёрнутое в бумагу. Там была обгрызенная хлебная корка и кусочек шкурки от сала.

— Пёс шелудивый, ты ещё будешь в моей сумке шарить! — раздался грозный чужой голос.

Бурко хотел отскочить, но было уже поздно. Мишо уже держал в руке конец кнута и потянулся за палкой. Бурко уже знал, что за этим последует. Он стремительно дёрнулся, и петля на кнуте ослабела. Словно слепой он помчался между ног коров и волов, не обращая внимания на то, что кто-нибудь из них может наступить на него или ударить.

Он не останавливался, покуда не очутился на шоссе. Тут он пригнул к земле голову, чтобы отыскать свой след.

Это не составило для него большого труда. Вскоре он залаял от радости. Пусть немного выдохшиеся, но это были его следы. Так что теперь он уже не боялся. К Мишо он точно теперь не вернётся, раз уж он ему есть не даёт. Ни за что не вернётся. Именно так. Пусть даже не думает. Лучше он пойдёт к Анче. Она даст ему сыворотки, а потом он спрячется в стогу. Именно так.

Так Бурко сам себя утешал и шёл по своим следам на площадь. А там над горшком с углями сидела такая большая человечина и каждому прохожему предлагала тёплый печёный крендель.

— Ну же, добрый человек, купи кренделёчек, и хорошую ядрицу, и хлебца из крупитчатой муки... а эту гусыню я месяц кукурузной кашей пичкала... Ну же, покупайте, ведь сегодня всё это, право, за полцены отдаю... ну же, ну..

Бурко не понимал, почему люди не берут то, что эта человечина таким приятным голосом им предлагает.

Уж он-то точно не будет таким дурнеем. У него и без того уже слюнки текут. И след он не потеряет. Пожалуй, даже Анча не давала ему ничего такого, что пахло бы так роскошно, как этот крендель.

Одним энергичным прыжком он выхватил у неё из руки этот крендель. Ведь она его так любезно всем предлагала, и никто брать не хотел.

Но вот беда!

Эта человечина вскочила, холстина с ядрицами и кренделями упала на мёрзлую землю, горшок с углями перевернулся, и на всю площадь разнеслась безбожная брань.

Человечина схватила скамеечку, на которой сидела, и побежала за Бурко так, что её выпирающий живот под широким передником подпрыгивал.

А Бурко отбежал лишь чуть-чуть. Он даже не присел, а кренделя уже не было. Как он ему понравился! И только он хотел присесть возле статуи святого Антония, на спину ему упала скамейка, которую швырнула в него рассерженная человечина.

Бурко не осматривался, что это прилетело и откуда, а помчался прочь из опасного места. Поясница у него побаливала, но это было не так страшно. Взбежал он на высокую лестницу перед городским домом и там уселся.

Оттуда ему открылась замечательная картина.

Туда, где эта человечина предлагала вкусные крендели, сбежался народ со всей площади. Каждый от смеха за живот держался, и только та толстая человечина ругалась, кричала и размахивала руками. А несколько лохматых псов разбежались в разные стороны, и каждый что-нибудь да унёс с собой. Этот крендель, тот ядрицу, а другой жареное гусиное бёдрышко. А люди смотрели и показывали на него.

Бурко всем этим был сбит с толку. Дают ему крендель, и когда он его берёт, в спину ему кидают скамейку, а потом одни его ругают, а другие над ним смеются. Ведь эта человечина должна бы радоваться, что у неё так быстро всё разобрали, после того, как она всем предлагала, а брать никто не хотел.

Всё же эти люди очень странные существа!

Вернулся он на площадь, чтобы отыскать свои следы. Уж лучше он домой, к Анче пойдёт.

Под лестницей лежал довольно большой лохматый пёс и запихивал в себя большую ядрицу, которая ему досталась. Как только он увидел Бурко, сразу злобно зарычал, бросил еду и помчался на Бурко.

Бурко поначалу немного испугался, а потом страх прошёл. Не станет он убежать от какого-то сорванца. Он, который не побоялся ни Кшо, ни Брца, должен убежать? Да он уже бился с молодой лисицей и не поддался ей. Это уже кое-что! А возле стога Мато целый месяц учил его, как нужно схватить противника, чтобы самый слабый стал самым сильным. Мато в этом уж точно знал толк. Каждый пёс в округе его боится. Вот так!

Моментально опытным взглядом он оценил силу и способности противника. Прежде всего посмотрел ему в глаза, поскольку каждый опытный пёс оценивает силу своего противника по быстроте глаз. Но глаза того пса были очень сонными, а взгляд почти слепой. Правда, он был намного крупнее Бурко, но его откормленное тело выдавало нерасторопность в движениях.

Бурко приблизился к нему на два шага и воинственно задрал хвост. Псина набросился на него. Бурко подпустил его на один шаг, потом молниеносно уклонился,

а в следующее мгновение уже сидел на спине своего противника, а острые клыки погрузились в его жирную шею.

Однако Бурко всё же недооценил своего соперника. Пёс обладал огромной силой. Он так отряхнулся, что Бурко на несколько шагов отлетел в сторону, а тот снова мчался на него. Бурко вскочил на ноги, и когда пёс словно вал накатывался на него, в самый последний миг лёг на спину и снизу укусил его за глотку. Этому хитрому приёму он научился у той лисицы, с которой два часа боролся на Склоне и вынужден был бежать, хотя она была меньше его.

И действительно! Это помогло ему. Когда между зубами он почувствовал кровь, в нём проснулся хищник, которым был его далёкий предок. Он стиснул зубы сильнее. И пёс захрипел.

Он отпустил его. Но быстро вскочил на ноги, чтобы пёс не попытался снова на него накинуться.

В этом не было необходимости. Пёс тяжело поднялся, опустил хвост между ног и с хрипением поплёлся прочь.

Бурко всем телом дрожал от возбуждения и напряжения сил. Всё же он задал ему работы. Псина обладал силой. Потом он подсел к остаткам ядрицы и с удовольствием их уничтожил.

Хотел было встать, когда кто-то схватил его за холку. В возбуждении он забыл о всякой осторожности. Зарычал и обнажил клыки, чтобы в следующее мгновение вонзить их в тело своего обидчика.

Уже хотел было стиснуть зубы, но... почуял запах Мишо. Отпустил. Задрожал всем телом. Чуял, что за этим может последовать. Перед кем угодно на свете он защищался бы из последних сил, но перед Мишо испытывал непреодолимый страх.

А Мишо на этот раз не ругался и не бранился. Снова привязал Бурко к кнуту и потянул его за собой.

Прошли несколько улиц мимо самых красивых хуторов, но Бурко этого не доставило удовольствия. Он опасался того, что предпримет Мишо. И затосковал он со страшной силой по уютной норе и по Анче.

Вошли они в какую-то кухню, такую же, как тот шатёр. И было там, пожалуй, ещё больше горланящих людей, а запах невыносимый. Так даже старая Кшо уж точно не пахнет. Бурко стал чихать. Забился в самый маленький закуток и свернулся в клубок. А Мишо сел вместе со всеми и пил, и горланил как все.

Бурко ни о чём не заботился. Он радовался уже тому, что его по крайней мере оставили в покое. И тому, что не был голоден. Он замёрз и подрался с этим тучным псом. И даже этот запах его уже не беспокоил. Так хорошо ему в тепле спалось.

***

Светало. В лесу было пусто. Деревья без листвы, ни единой пташки вокруг. Всё покрыто инеем. Меж голых ветвей свистел холодный северный ветер.

Для сыча Нама ночь прошла отвратительно. За целую ночь он поймал только одну мышь, да и та была костлявая. Для желудка порядочного сыча это суший

пустяк. А между тем, прежде чем поймать её, пришлось полночи выслеживать её в сене на гумне.

Под утро уж точно он не был в хорошем расположении духа. Ещё до рассвета отправился в лес, чтобы по пути поймать хоть какого-нибудь воробьишку. Он полагал, что сегодня солнце не будет сиять ярко. По крайней мере, он мог не опасаться, что будут болеть глаза.

Вот он лёг на крыло. Летел недолго. Сел на ольху у реки и внимательно обследовал берег. Всюду мёртвая тишина, только этот противный ветер назойливо терзал перья на спине.

Из леса донёсся странный вой. Он напряг слух. Это не лисица, а волка тут давно уже нет.

Да, надо там посмотреть.

Он расправил крылья и... и осматривал лес.

Вскоре всё прояснилось. В лесу на снегу лежал человек, а рядом с ним завывал маленький пёс. Сыч сел на сухую ветку и захотелось ему поухать.

Ну он и ухнул. В ответ получил плаксивое завывание маленького пса.

Мишо шёл домой. Ему было весело. Давно уже ему не было так хорошо. Он запел и даже погладил Бурко. Всё на свете казалось ему таким прекрасным.

А Бурко наблюдал за ним с недоумением. Что с ним случилось? Погладил его и так странно, странно кричит, как те люди на том закопченном хуторе. Так хорошо ему там возле печи спалось, пока Мишо не схватил его за шиворот и не начал показывать другим. Бурко должен был сесть на стол и получить кусок колбасы. А все ему кричали и смеялись над ним. Потом Мишо взял его под кобаню, поцеловал его, и они вышли на улицу.

Бурко больше на Мишо не сердился. О, этот человек порой умеет быть добрым, но тогда он становится таким странным, словно ума лишился. Пожалуй, эти человеческие существа тем лучше, чем меньше у них разума.

За городом Мишо споткнулся и упал прямо на Бурко. И больше уже не прятал его под кобаню. Он с трудом поднялся на ноги и опирался на толстую палку.

Бурко не понимал, что с этим Мишо приключилось. Мотался из стороны в сторону и постоянно что-то ему объяснял.

— Буро, знаешь, нет, ты этого не знаешь. Я твой хозяин, а ты пёс. Но я хозяин, это ты помни. Такого хозяина надо ещё поискать! Сюда! Таких баранов на всей ярмарке больше не было. Мясники так и сказали. Сюда!

Мишо втолковывал и поучал. А Бурко его даже не слышал, ему хотелось поскорее домой, чтобы забраться в свою нору в стогу.

Когда они добрались до леса, Там Мишо обнимал каждое дерево. Похоже, сегодня он всех на свете любил. Да кроме того ещё и пел.

Они были уже недалеко от дома, когда Мишо снова споткнулся и упал. Бурко думал, что он встанет, но Мишо не двигался. Несколько раз он обежал вокруг него и залаял. Мишо даже не шевельнулся, но начал храпеть. Бурко сел рядом с ним и стал переступать передними лапками. Сильный ветер пробирал его до самых костей.

Тут его охватил дикий страх. Каждое существо чувствует приближение опасности. Северный ветер завывал всё сильнее, а Мишо уж точно не был слишком одетым. У него даже губы не было! Бараницу он потерял где-то в лесу и теперь кабаней прикрыл голову. Потом свернулся в клубок, окоченевшие руки зажал между коленями и продолжал храпеть.

Бурко завыл. Сам не знал почему, но было ему очень страшно. Вдруг услышал над собой голос сыча Нама. Он, конечно, несколько раз уже слышал его на гумне, но вот так — никогда. Плаксивое уханье, сопровождаемое страдальческими стонами ветра производили кошмарное впечатление.

Бурко охватил безумный страх. Он принялся яростно лаять и завывать, потом вцепился в постол Мишо и дёргал его до тех пор, пока Мишо не проснулся. Однако Бурко и тут не успокоился. Он сдёрнул с его головы кобаню, отбежал на несколько шагов и принялся трепать её.

Мишо вскочил. Он начал яростно ругаться, а когда увидел, что Бурко треплет кобаню, схватил палку и швырнул её. Бурко счастливо увернулся и направился к дому. Мишо поднял кобаню, взял палку, погрозил ею Бурко и потащился за ним.

Светало, когда они пришли на хутор. Анча была уже на дворе и открывала курицам курятник. Когда увидела запыхавшегося Бурко, погладила его и посмотрела вниз по склону, где шёл, пошатываясь, Мишо.

Бурко пробрался на кухню, где было тепло. Нашёл остаток своей вчерашней сыворотки и с аппетитом напустился на неё. Искал ещё чего-нибудь, но ничего не нашёл. Потом улёгся под столом.

Однако отдых его длился недолго. Пришёл Мишо и как только заметил, сразу вытащил его из-под стола и палкой, на которую опирался, бил его куда ни попадя. Бурко завыл от боли, но освободиться не мог. Потом Мишо вытолкал его во двор, где он и остался лежать словно убитый.

— Пёс шелудивый, он ещё кусать меня будет, будет кобаню мою хватать. Чтоб ты сдох! Прибью!

Бурко с трудом добрался до стога. И за что его этот Мишо бил? Ведь он бы замёрз, если бы он его не разбудил.

V

Прошло несколько недель. Кости у Бурко уже зажили, но с той ярмарки он Мишо ненавидел. Правда, он и раньше его не любил, но всё же это была ещё не такая вражда. А после того случая эти двое терпеть друг друга не могли. Мишо иногда целыми днями есть ему не давал и пинал куда ни попадя. Бурко ему за это платил как мог. Разогнал овец, искусал старую Кшо, а ночью шлялся по округе. Когда Мишо не давал ему есть, он бродил по лесу, чтобы кого-нибудь поймать. Тогда ему жилось так свободно. Не было над ним кнута Мишо, не нужно было выслушивать его зловещую ругань и бояться каждого его движения, чтобы он не поломал ему рёбра.

Приближалась весна. Как только снег исчез, Мишо выгнал овец на Бань, чтобы они немного попаслись на старой сухой траве. По всему склону разносилось бляение овец, которые высматривали своих ягнят. Бурко, выполняя команду Мишо, шёл низом вдоль потока, чтобы овцы далеко не разбрелись.

У реки возле старого вывороченного явора Бурко что-то резко ударило в нос. Он обнюхал след и... оцетинился.

Точно, совсем свежий след лисицы. Она должна быть где-то недалеко. Да как бы не набросилась на какого-нибудь ягнёнка.

Он яростно залаял и так накинулся на овец, что все они сбились на склоне возле Мишо.

Когда он подошёл к Мишо, тот перетянул его кнутом.

— Будешь мне овец разгонять!..

Бурко не обратил на это внимания, он даже не подумал о боли. Снова залаял на склон, чтобы Мишо обратил внимание на опасность, а он хоть бы что.

Тогда Бурко отошёл в сторону и улёгся под ёлку. Ну и глупое же существо этот Мишо. Неужели все люди такие? Ведь стоит только пойти к потоку и посмотреть, и хорошенько понюхать возле дерева, тогда каждый увидит. Но раз уж он такой глупый, этот Мишо...

***

Когда под вечер они вернулись домой, Бурко напрасно околачивался возле кухни. Анчи не было дома, и он не получил ничего.

Сел перед своей будкой и от голода облизывал нос. Размышлял, где бы чего-нибудь раздобыть для пустого желудка. Сходил за хлев на мусорную яму, но не нашёл ничего.

На гумне раскудаhtалась старая Квок. Бурко уже хорошо знал, что это значит. Без долгих размышлений он побежал на гумно. Не думал ни о чём. Его терзал голод. На соломе возле вязанки лежали три яйца. Он даже не присел возле них. В одно мгновение от яиц остались одни пустые скорлупки.

За лакомством он даже не заметил, как за опорой появился Мишо. В следующее мгновение возле его головы просвистел тяжёлый дубовый цеп. Бурко увернулся и хотел проскочить в дверцу между ног Мишо.

Это ему не удалось.

Мишо зажал его между створками дверей. Что было дальше, он не помнил. Помнил только, что получил сильный удар палкой по голове.

Когда пришёл в себя, был привязан тонкой своркой к своей будке перед овчарней. Всё у него болело, а в голове гудело. Два дня он ни к чему не притрагивался.

Потом каждый день его сажали на цепь. Мишо спускал его только ночью, чтобы он сторожил.

А Бурко порой бывало очень тоскливо. Когда все на хуторе спали, а он учуял запах молодой лисицы, который со Склона принёс весенний ветерок, ему стало очень страшно. Он завыл. И этот вой был такой страдальческий, такой плаксивый.

Он побежал на Склон и завыл так, как никогда прежде. Голос его, вызывающий оцепенение, терялся в тёмном лесу.

Под явором он увидел два горящих глаза. Нюх подсказал ему, кто это.

Это была она, молодая лисица.

В нём проснулся хищник. Ему захотелось яростной битвы. Он завыл и набросился на лисицу. Бой был жестоким. Не на жизнь, а на смерть.

Под утро, когда скрылась луна, сыч Нак увидел два безжизненных тела. Он кошмарно заухал.

Лисица пришла в себя. Возле камня лежал Бурко. На носу у него засохла кровь. Она подошла к нему и облизала нос. Бурко открыл глаза. Потом, подгоняемый инстинктом самосохранения, он с трудом встал на ноги. Снова они стояли друг против друга как враги. В глазах сверкала смертельная злоба.

Они приткнулись нос к носу, словно мерялись силами. И... Бурко понемногу опускал враждебно поднятый хвост.

Напротив стоял тоже хищник, который защищал себя. Он лизнул её острый нос и... она ответила тем же.

Они разошлись. Бурко пошёл к хутору. Она осталась и наблюдала за ним. Потом исчезла в зарослях. После её ухода Бурко почувствовал что-то странное. На хуторе никого у него не было, только овцы, Мишо, Анча и свиньи. Даже Мато был таким странным существом. Он, конечно, играл с ним иногда, но всё хотел съесть сам. А эта лисица Чамна! Ну, покусала его немножко, но как странно на него посмотрела, прежде чем исчезнуть в зарослях. Так даже Анча на него не смотрела, а ведь Анча добрая. Ох уж эта Чамна!! Впрочем, разве он с ней ещё встретится?!

Он лёг возле будки. Когда Мишо проснулся, он хотел привязать его.

— Анча, — закричал он на кухню, — смотри-ка, этот Буро весь искусан. Только бы не взбесился. Жалко было бы потерять его. Хорошо загоняет. Принеси ему хотя бы хлеба кусок.

Анча действительно принесла ему целый ломоть. В любое другое время Бурко мигом уплёл бы его, но сегодня ему не хотелось. Он был изранен и... эта Чамна! Как же странно она на него смотрела.

Целый день он не показывался из будки. И удивительно! Мишо его сегодня не привязывал, и даже принёс ему жинчицы. Поразительно. Пожалуй, этот Мишо с ума сошёл.

— Жалко было бы потерять этого пса. И загонять хорошо выучил, и ночью хорошо сторожит.

Бурко, разумеется, не понимал, что говорит Мишо, но голос звучал так, словно он принадлежал не Мишо. Да, он его даже погладил. Чего же он хочет? Сегодня он точно не в силах овец загонять. Пусть лучше убьёт его. Он не пойдёт.

И удивительно. Мишо его сегодня даже не позвал. Отправился на Склон с овцами один.

Под вечер Бурко выбрался из будки. Несколько раз потянулся. Он чувствовал себя вполне бодрым. Когда съел жинчицу и хлеб, пошёл к Мишо на склон. Не повезло ему. Надеялся увидеть там Чамну. О, эта Чамна! Почему она на него так смотрела. Этот взгляд каким-то образом его согревал.

— Буро, сюда! Ну-ка, туда, на тот бугор!

Сегодня голос Мишо не был таким глухим. Но Бурко о Мишо даже не думал.

Солнышко зашло. Овцы ушли с Мишо на хутор. Бурко остался на склоне. Он улёгся под лиственницу. На крики Мишо даже не двинулся. Какое ему дело до Мишо! Когда в зарослях ступила ночь, Бурко встал. Он нашёл след Чамны. Пустился по нему. Нюх его не подвёл.

Перед исполинским утёсом растянулась Чамна. Когда она увидела его, вскочила и по-боевому встала напротив. Бурко отошёл за пень. Она осторожно к нему приблизилась. Он не проявил боевого настроения. Она лизнула его ещё окровавленный нос. Ему было так приятно. Через нору он вошёл в скалу и обнюхал обгрызенное гусиное бедро.

— Вррр, не тронь! Найди себе... — зарычала Чамна.

Эта Чамна тоже странная. Она думает только о еде.

— Послушай, на хуторе есть жирные куры. Я пойду туда. А ты не лай, — говорила она ему. Бурко не отвечал. Чамна этого хотела... да.

— Пошли. Пробежимся по лесу, — позвала она Бурко. — Может, поймем какого-нибудь длинноухого.

Бурко бежал за Чамной словно во сне. В нём проснулся хищник. Он вдруг ощутил такую невыразимую свободу. Продирался сквозь заросли, завывал по-звериному и прихватывал Чамну за вертлявый хвост.

В лесу не поймала Чамна ничего. Пришли они к хутору.

— Стой тут и не гавкай.

Бурко остался на страже. Ему хотелось залаять, но... что сказала бы Чамна. Ох, эта Чамна! Если бы она на него так не смотрела. В её взгляде было что-то сильно согревающее. А хутор?! Пусть Мишо теперь сам его стережёт. Есть у него дурацкий нос, из-под которого так отвратительно чадит. Теперь пусть ещё и погавкает. Именно так. Впрочем, зачем ему лаять? Мишо может выйти с кнутом.

Бурко строил планы, как бы ещё отомстить Мишо за всё, что он от него вытерпел. Да! Вот когда будет он пасти на Склоне овец, разгонит их, а сам уйдёт за Чамной. И заживут они под скалой, будут свободно бегать по этим огромным горам. Вот будет жизнь! Бурко от радости даже слегка завыл.

Рядом зарычала Чамна и что-то положила на землю.

— Глупец. Только гавкни, тогда увидишь... Выйдет человек и бабахнет в нас с тобой из своего дырявого дерева.

— Что это ты принесла? — спросил он её пристыжённо.

— Ну, что. Понюхай!

Бурко узнал: это была задушенная старая Квок.

— А петух не кричал?

— Придушила и его. И ещё несколько кур задушила и разорвала. Завтра их выбросят в ручей, а я сбегаю. Ну, так пошли...

И они весело побежали в лес. Бурко мчался сквозь заросли, перепрыгивал через кусты. И было ему так хорошо и привольно, как ещё никогда на свете. Когда они были уже довольно далеко от хутора, он завыл во всю глотку, так что все склоны отозвались.

***

Утром на хуторе было наказание господне. Одиннадцать кур и петух разорваны. Анча ругалась, а Мишо неистовствовал словно одержимый. Такого на хуторе ещё никогда не случалось.

— А где же этот пёс? Я его прибью! Даже не сбrehнул. Буро, буро, сюда!

Однако напрасно они звали Бурко. Он не пришёл ни вечером, ни на следующий день. Поэтому ночью на хуторе было уныло. Только сыч нам иногда подавал голос. Мишо по этому случаю спал на подстенке в шубе, с двустволкой. Так продолжалось больше недели.

— Знаешь, Анча, — сказал он однажды утром, — действительно жалко этого Буро. И загонял, и сторожил хорошо. Кто знает, найдём ли ещё такого. Пойдём в Магутов, может найдём там какого-нибудь щенка.

***

А Бурко меж тем сидел перед норой. Всю ночь он был один. Чамна ушла на охоту одна и ещё не вернулась. Удивительная эта Чамна. Сначала, когда так странно на него смотрела, она ему нравилась, а сейчас уже нет. Да, ему с ней как-то тошно. Она такая кровожадная. Убивает и душит ради забавы, даже тогда, когда не голодна. И тогда красноватые глаза её сверкают словно молнии. А ему уже противно всё время есть только сырое мясо. И если бы только это! Иногда им с Чамной приходилось есть майских жуков или целый день подстергать какую-нибудь ящерицу. И ведь Чамна ему никогда не даст, пока сама не наестся. Она такая же, как тот Мато. Но там по крайней мере есть Анча. Вот Анча — это да. Давно пошёл бы спать на хутор, если бы не этот Мишо. Вчера тайком он уже подкрадывался к овцам, но побоялся.

Вдруг он сел. Кажется, услышал какой-то крик. Действительно. Но... он вздрогнул. Это был голос Мишо. Но звучал он так странно, страдальчески. Бурко какое-то время колебался, но потом побежал, чтобы посмотреть.

Долго бежать не пришлось. В глубокой ложбине сидел Мишо, держался за ногу и ойкал. Бурко сел над обрывом и смотрел вниз. Мишо не вставал, поэтому незачем

было его бояться. Он всё же пытался встать на ноги, но каждый раз снова садился и хватался за щиколотку.

Бурко вдруг, сам не зная зачем и почему, просто по-собачьи залаял.

И даже сам испугался своего голоса. Мишо посмотрел вверх.

— Буро, Бурко, сюда!

Бурко ощутил в голосе Мишо нечто такое, чего ещё никогда не бывало. Голос был страдальческий, стонущий, но он согревал. Бурко осторожно прыгнул в лощину и сел примерно в двух шагах от Мишо. Мишо ему что-то объяснял, хотел встать, но не мог. Точно так же, как и тогда, когда они шли с ярмарки, только сейчас от Мишо не пахло. Почему же он не может встать?

В Бурко сразу проснулся обученный пёс. Он забыл о том, что совсем недавно был хищником. Выскочил из лощины и полетел на хутор, словно только утром покинул его. Анча с радостным восклицанием встретила его и принялась гладить. Так ему это понравилось. Она ему даже сыворотки налила. Бурко к ней даже не приронулся. Он залаял, схватил её за передник и потянул прочь со двора. Анча только головой покачала и не мешала Бурко вести её. Через полчаса он привёл её в лощину к Мишо.

— Видишь, душа моя, споткнулся я, упал и вывихнул ногу. Пожалуй, если бы не этот пёс, думаю, тут и окошел бы...

Поскольку Бурко не чувствовал в голосе Мишо враждебных ноток, он подошёл к нему совсем близко. А Мишо взял его на руки и... погладил.

Мишо, опираясь на Анчу, с трудом добирался до дома. Бурко их опередил. Пришло ему в голову, что он должен их охранять. Сел он перед дверью и залаял, даже на сороку, что сидела на заборе.

Когда Мишо пришёл, он погладил его и как-то ласково с ним разговаривал. Анча налила ему полную миску пахты. Ох, и пахта была! Уж точно лучше, чем сырое мясо или жуки. Пока умял её, чуть не лопнул. Потом бегал вокруг дома, по гумну т лаял на всех.

***

А ночью все в лесу уже знали, что на хуторе есть бдительный сторож.

